

лучшая классика для девочек

Люси Мод
Монтгомери

Аня
с острова
Принца
Эдуарда

Москва 2014
ЭКМО

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(Кан)
М 77

Lucy Maud Montgomery
ANNE OF THE ISLAND

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Монтгомери, Люси Мод.

М 77 Аня с острова Принца Эдуарда : роман / Люси Мод Монтгомери ; [пер. с англ. М. Ю. Батищевой]. — Москва : Эксмо, 2014. — 512 с. — (Лучшая классика для девочек).

ISBN 978-5-699-74978-2

Продолжение суперпопулярных романов канадской писательницы Люси Мод Монтгомери «Аня из Зеленых Мезонинов» и «Аня из Авонлеи».

Аня начинает учебу в Редмондском университете, где у нее появляются новые друзья. В красивую, умную девушку влюблены многие молодые люди, но сердце Ани по-прежнему свободно, ведь сама она никак не может разобраться в своих чувствах и едва не принимает за любовь поверхностное увлечение. Но судьба дает ей еще один шанс...

**УДК 82(1-87)-93
ББК 84(Кан)**

ISBN 978-5-699-74978-2

© Батищева М., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

*Всем девочкам на свете,
которые «хотели еще» про АНЮ*

Незримый клад найдет лишь тот,
Кто к долгим поискам готов.
Судьбе помочь Любовь придет
Снять с тайных ценностей покров.

Теннисон

Глава 1 Тень перемен

— «П рошла жатва, кончилось лето»¹, — процитировала Аня Ширли, мечтательно глядя на сжатые поля. Вдвоем с Дианой Барри они собирали яблоки в саду Зеленых Мезонинов, а теперь присели отдохнуть от своих трудов в залитом солнцем тихом уголке, где воздушные стаи пушистых семечек чертополоха медленно проплывали мимо них на крыльях легкого ветерка, все еще по-летнему напоянного ароматом папоротников, растущих в Лесу призраков.

Но все вокруг уже говорило об осени. В отдалении глухо рокотало море,

¹ Библия, Книга пророка Иеремии, гл. 8, стих 20.

поля, поросшие по краям золотарником, лежали обнаженные и сухие, долину, в которой бежал ручей, окрасил эфирный пурпур астр, а Озеро сверкающих вод казалось синим-синим, и это была не переменчивая синева весны, не бледная лазурь лета, но чистая, глубокая, невозмутимая синева, как будто вода оставила позади все свои капризы и вспышки чувств и теперь, остепенившись, предалась покою, не нарушаемому пустыми мечтами.

— Хорошее было лето, — сказала Диана, с улыбкой крутя на пальце левой руки новенькое блестящее колечко. — И свадьба мисс Лаванды оказалась его чудесным завершением. Мистер и миссис Ирвинг сейчас, должно быть, уже на берегу Тихого океана.

— Мне кажется, они уехали так давно, что за это время могли объехать вокруг света, — вздохнула Аня. — Просто не верится, что со дня их отъезда прошла всего неделя... Сколько перемен! Все изменилось. Мистер и миссис Аллан тоже уехали. Как уныло выглядит теперь дом священника с закрытыми ставнями! Вчера вечером я проходила мимо него, и у меня

возникло такое чувство, будто все, кто жил в нем, умерли.

— Никогда больше не будет у нас такого хорошего священника, как мистер Аллан, — заявила Диана с мрачной уверенностью. — Я думаю, что в эту зиму мы будем слушать всякого рода временных заместителей, а каждое второе воскресенье проповеди вообще не будет... Вы с Гилбертом тоже уедете — здесь будет ужасно скучно.

— Здесь будет Фред, — напомнила Аня вкрадчиво.

— Когда миссис Линд собирается переехать в Зеленые Мезонины? — спросила Диана так, словно не слышала Аниного замечания.

— Завтра. Я рада, что она переезжает к нам... Но это будет еще одна перемена. Вчера мы с Мариллой вынесли все вещи из комнаты для гостей. И знаешь, мне было так неприятно. Глупо, конечно, но мне казалось, будто мы совершаем святотатство. Эта комната всегда была для меня чем-то вроде храма. В детстве я считала ее самой чудесной на свете. Помнишь, как горячо я желала удостоиться чести провести ночь в какой-нибудь комнате для гостей? Но только не в комнате, предназначенной для гостей в Зеленых

Мезонинах. О нет, в этой — никогда! Это было бы ужасно — я и глаз не сомкнула бы от благоговейного страха. Когда Марилла посылала меня туда за чем-нибудь, я никогда не могла просто пройти или пробежать по этой комнате — я шла на цыпочках, затаив дыхание, так, словно была в церкви, а выйдя оттуда, испытывала облегчение. Там, с двух сторон от зеркала, висели портреты Джорджа Уайтфилда и герцога Веллингтонского², и все время, пока я находилась там, они сурово смотрели на меня из-под насупленных бровей — особенно сурово, если я осмеливалась взглянуть на себя в зеркало, которое единственное в доме не искажало черты лица. Я всегда удивлялась, как у Мариллы хватает смелости убирать эту комнату... А теперь она не просто убрана, но совсем оголена. Джордж Уайтфилд и герцог Веллингтонский сосланы в маленькую переднюю на втором этаже. «Так проходит земная

² Джордж Уайтфилд (1714—1770) — английский евангелист; его проповеди в североамериканских колониях Великобритании собирали огромные толпы слушателей. Герцог Веллингтонский (1769—1852) — английский генерал и государственный деятель.

слава»³, — заключила Аня со смехом, в котором слышалась все же и нотка сожаления. Неприятно, когда наши давние святыни осквернены, пусть даже мы уже и переросли их.

— Мне будет так одиноко, когда ты уедешь, — в сотый раз пожаловалась Диана. — Подумать только! Ты уезжаешь уже на следующей неделе!

— Но сейчас мы все еще вместе, — отозвалась Аня бодро, — и не должны позволить печалям следующей недели отравить нам радость этой. Мне самой неприятна мысль об отъезде: Зеленые Мезонины и я — такие хорошие друзья... И ты еще жалуешься, что тебе будет одиноко! Это мне надо охать и стонать. Ты остаешься здесь, где столько старых друзей — и Фред! А я буду одна среди чужих, там, где не знаю ни души!

— Кроме Гилберта и... Чарли Слоана, — вставила Диана, копируя Анину интонацию и лукавую мину.

— Присутствие Чарли Слоана, конечно, будет для меня большим утешени-

³ Фраза, с которой обращаются к будущему папе римскому во время возведения его в этот сан, сжигая при этом перед ним кусок ткани в знак признания тщеты земного могущества.

ем, — с глубочайшей иронией в голосе согласилась Аня, после чего обе эти безответственные девицы весело рассмеялись. Диана отлично знала, что думает Аня о Чарли Слоане, но, несмотря на множество доверительных бесед, для нее оставалось тайной, что думает Аня о Гилберте Блайте. Впрочем, она и сама этого не знала.

— Мальчики, насколько мне известно, будут жить на другом конце Кингспорта, — продолжила Аня. — Конечно, я рада, что еду в университет, и уверена, что пройдет немного времени — и я полюблю этот новый городок. Но в первые недели, я знаю, он не будет вызывать у меня приятных чувств. Когда я была в учительской семинарии, каждую неделю могла возвращаться домой на выходные, а теперь и этого утешения у меня не будет. А до Рождества, кажется, еще тысяча лет.

— Все меняется... или скоро изменится, — сказала Диана печально. — У меня такое чувство, что больше никогда ничто не будет по-прежнему.

— Да, наши пути расходятся, — произнесла Аня задумчиво. — Это неизбежно. Как тебе кажется, Диана, действительно ли быть взрослыми

так приятно, как мы это воображали в детстве?

— Не знаю... Есть в этом кое-что приятное, — ответила Диана, — снова лаская свое колечко с той легкой улыбкой, которая всегда неожиданно вызывала у Ани ощущение собственной заброшенности и неопытности. — Но есть в этом и много такого, что озадачивает меня. Иногда мне словно страшно быть взрослой — и тогда я все готова отдать, лишь бы снова стать маленькой девочкой.

— Думаю, что со временем мы привыкнем быть взрослыми, — весело заявила Аня. — Постепенно в этом новом положении перестанет быть так много неожиданного для нас... хотя мне все же кажется, что именно неожиданности придают жизни аромат и прелесть. Сейчас нам по восемнадцать, еще через два года будет двадцать. Когда мне было десять, я считала, что двадцать лет — это цветущая и бодрая, но все же старость. Очень скоро ты превратишься в степенную матрону средних лет, а я в милую старую деву — тетушку Анну, которая будет иногда приезжать в гости. У тебя ведь всегда найдется уголок для меня, правда, Ди, дорогая? Не комна-

та для гостей, конечно: старые девы никогда не претендуют на комнату для гостей, и я буду не менее смиренной, чем Урия Гип⁴, и охотно удовольствуюсь маленькой верандой или закутком возле гостиной.

— Какие глупости! — засмеялась Диана. — Ты выйдешь замуж за кого-нибудь важного, красивого и богатого — и ни одна комната для гостей во всей Авонлее не будет достаточно роскошной для тебя. И ты будешь задирать нос перед всеми друзьями юности.

— Это было бы достойно сожаления; мой нос совсем неплох, но боюсь, если начать его задирать, это ему повредит, — сказала Аня, поглаживая этот изящный орган обоняния. — У меня не так много красивых черт лица, чтобы я могла позволить себе испортить те, что есть. Так что, Диана, обещаю тебе, что, даже если я выйду замуж за короля Больших людоедских островов, перед *тобой* нос задирать не буду.

И с веселым смехом девочки расстались: Диана направилась в сторону

⁴ Урия Гип — персонаж романа «Дэвид Копперфилд» Ч. Диккенса — ханжа и лицемер, не перестававший повторять, что он человек маленький и смиренный.

Садового Склона, а Аня на почту. Там ее ждало письмо, и, когда на обратном пути Гилберт Блайт нагнал ее на мосту через Озеро сверкающих вод, она сияла от радости.

— Присилла Грант тоже едет в Редмондский университет! — воскликнула она. — Замечательно, правда? Я очень надеялась, что она поедет, но сама она боялась, что ее отец на это не согласится. Однако он все же позволил ей поехать, и мы будем жить вместе! Теперь я чувствую, что могла бы выступить навстречу целой армии с развернутыми знаменами или грозной фаланге всех редмондских профессоров, ведь рядом со мной будет такой друг, как Присилла.

— Я думаю, нам понравится Кингспорт, — сказал Гилберт. — Это уютный старинный городок, как мне говорили, и там чудеснейший на свете природный парк. Я слышал, что местность там величественная и живописная.

— Неужели там будет... неужели там может быть... красивее, чем здесь? — пробормотала Аня, глядя вокруг влюбленными, восхищенными глазами — глазами того, для кого родной дом всегда остается прелестнейшим местом на свете, и не важно, какие сказоч-

